

**Деятельность промышленных синдикатов в Российской империи:
эволюция взглядов правительства**

Забудкова Ольга, аспирантка

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко

Рассматривается эволюция взглядов правительства Российской империи на деятельность промышленных синдикатов с момента их возникновения и до распада государства. Установлено, что взгляды власти на монополистические объединения постоянно менялись в зависимости от конкретных экономических задач, стоящих перед правительством. Выделены пять этапов в отношении государства к монополиям, сделан вывод о его политике в этом вопросе как достаточно противоречивой и непоследовательной.

Ключевые слова: синдикат, монополистические объединения, правительство, Российская империя, эволюция.

Возникновение в конце XIX – начале XX вв. в промышленности Российской империи монополистических объединений не могло не обратить на себя внимания правительственных кругов, которым предстояло определиться со своей стратегией относительно этого нового для империи явления. Проблема взаимодействия власти и крупного капитала остается актуальной и в наши дни, когда она касается не только функционирования внутренних экономик, но и положения страны на мировой арене. С этой точки зрения изучение собственного исторического опыта по данному вопросу может стать полезным для определения закономерностей и результатов взаимовлияния государства и монополий.

Вопрос об отношении правительства Российской империи к промышленным синдикатам не единожды привлекал внимание историков и экономистов. Первые работы, затрагивающие эту тему, были написаны еще современниками [1; 2]. В советской историографии преобладала точка зрения, согласно которой с развитием монополий увеличивалась зависимость от них правительства, которое постепенно переходило под их подчинение [3; 4]. Однако ряд ученых, в частности, И. Ф. Гиндин [5] и В. С. Дякин [6], выдвинули предположение о том, что здесь происходило скорее не подчинение, а совпадение интересов. Отдельные аспекты этой проблемы освещаются и в работах представителей современной историографии [7; 8; 9]. Вместе с тем, не было предпринято попыток проследить эволюцию взглядов правительства на деятельность синдикатов с момента их возникновения и до ликвидации, что и стало целью нашего исследования.

Впервые вопрос о позиции власти в отношении монополий встал сразу же после их возникновения в начале 1880-х гг., поскольку организованы они были в областях, пользующихся широкой поддержкой государства – перерабатывающей металлургии и транспортном машиностроении. Характерное для того времени сокращение железнодорожного строительства привело к тому, что производственные мощности заводов в этих отраслях значительно превышали спрос. Для предотвращения банкротства предприятий правительство было вынуждено прибегнуть к таким мерам как распределение заказов, предоставление займов и субсидий заводам и так далее. Одним из мероприятий такого рода стала поддержка создания картелей и синдикатов. Более того, правительство непосредственно принимало участие в организации рельсового синдиката 1882 г., отмечая, что организованное сокращение выпуска продукции на рынок, как его основная цель, полностью соответствует «видам» правительственной политики [5, с. 100].

Такая позиция способствовала появлению первых синдикатов: рельсового, рельсовых скреплений, мостов, железнодорожных принадлежностей и т.д. С организацией в 1890 г. заводами Юга России второго рельсового синдиката, в области железнодорожных поставок сложилась монополия немногих заводов. Вмешательство государства привело к тому, что первые монополии возникли не столько вследствие усиленной конкуренции, сколько благодаря полумонопольному положению этих нескольких заводов [10, с. 71–72].

При полном согласии правительства возник и действовал также синдикат производителей сахара. С началом кризиса перепроизводства в отрасли и падением цен, сахарозаводчики стали выступать с ходатайствами о создании сахарного картеля непосредственно Министерством финансов через введение нормировки выпуска сахара на внутренний рынок. Однако тогда было принято решение против введения нормировки. В начале марта 1887 г. в ответ на новое ходатайство сахарозаводчиков правительство постановило, что «регулирование производства» – дело самих предпринимателей и последние должны действовать по своему усмотрению, прямо намекая на необходимость создания союза усилиями самих предпринимателей. В условиях дальнейшего падения цен, 28 апреля 1887 г. на съезде сахарозаводчиков в Киеве предприниматели создали синдикат, который уже в начале 1890-х гг. охватил 92% предприятий империи [11, с. 143].

Следует обратить внимание на особенность этого союза, как и последующих объединений сахарной промышленности, которая проявлялась в неизменной поддержке правительства на протяжении всего периода их существования. Это объяснялось тем, что отрасль большей частью была подчинена предпринимателям дворянского происхождения, которым традиционно покровительствовало самодержавие. Кроме того, прибыль казны от

сахарного акциза достигала 15 млн. руб. и составляла значительную долю доходной части государственного бюджета империи [12, с. 183].

С началом подъема в промышленности позиция правительства по отношению к синдикатам претерпела заметные изменения. В это время экономическая жизнь была подчинена одному человеку, а именно – министру финансов С. Ю. Витте. Целью его курса было ускорение капиталистического развития, одно из главных мест в котором занимало усиленное железнодорожное строительство. В этих условиях политика синдикатов, направленная на завышение цен и ограничение выпуска рыночной продукции, не соответствовала интересам власти. Поэтому перед правительством встала задача – способствовать усилению конкуренции путем борьбы с монополиями. Как следствие покровительство синдикатам в металлургии и машиностроении сменилось в 1890-х гг. четкой антисиндикатской линией в отраслях, поставляющих свою продукцию учреждениям казенного хозяйства и военному ведомству. Крайними мерами реализации линии правительства снижение цен на государственные поставки были передача заказов за границу и организация казенного производства. Однако основным орудием стала угроза лишения или собственно лишение заводов-монополистов заказов. В 1894 г. под этой угрозой, а также путем личного давления Витте заставил самораспуститься рельсовый синдикат южных заводов [13, с. 71]. В 1897 г. журнал Министерства финансов констатировал заметное падение цен на рельсы [14, с. 153].

Иной была ситуация в тех отраслях, продукты которых не затрагивали интересы государства как потребителя. Здесь Министерство финансов смотрело на монополии нейтрально или даже оказывало поддержку, если объединения отвечали его интересам. Наиболее характерным является пример синдиката сахарозаводчиков. Часто встречается мнение, что введение правительством в 1895 г. «сахарной нормировки» было лишь средством сохранения объединения, находящегося на грани развала. Впрочем, здесь надо учитывать тот факт, что ее введение было осуществлено вслед за значительным увеличением акциза на сахар, который вырос в течение двух лет на 75%. Удержание высоких цен синдикатом привело бы к сокращению потребления, в чем власть заинтересована не была. В этой ситуации нормировка выглядит скорее как компромисс: с одной стороны было сохранен монополистический союз, с другой – создан механизм для недопущения падения потребления сахара, а значит и прибыли казны от акциза [10, с. 73–74]. Позиция по этому вопросу свидетельствует о том, что говорить о непримиримой политике правительства в отношении к синдикатам было бы ошибкой, несмотря на то, что в это время, за исключением сахарной нормировки, не было ни одного случая их легализации [13, с. 71].

Серьезные коррективы во взгляды правительства внес кризис 1901–1903 гг., который сильно ударил по экономике Российской империи. Антикризисные меры власти предусматривали широкое развитие промышленности и касались, прежде всего, крупных металлургических и машиностроительных предприятий. Однако все предпринятые меры оказались недостаточно эффективными, поэтому правительство вынуждено обратиться к линии 1880-х гг. В синдицировании оно видело не только средство сокращения производства в условиях кризиса, но и путь к самостоятельному, без помощи государства, «приспособлению» промышленности, в первую очередь металлургического Юга, к условиям рынка. В официальном сообщении Министерства финансов говорилось, что если бы «промышленные деятели... признали полезным в объединении усилий искать выход из существующих трудностей», то «со стороны Министерства финансов они не встретили бы препятствий своим начинаниям». Это сообщение появилось в конце 1901 г., то есть накануне создания большинства синдикатов в железной промышленности [1, с. 39].

Правительственная «Торгово-промышленная газета» в этот период регулярно публиковала статьи о преимуществах синдицирования. Там, в частности, говорилось, что только «союз промышленников, способен ввести стройный порядок в производство» и «только сплоченной, гармоничной деятельностью заводов удастся урегулировать ход огромной сложной машины современной промышленности [15, с. 3]. Пропаганда создания синдикатов ослабела, но не прекратилось и после того, как кризис пошел на спад. В публикациях 1906–1907 гг. неоднократно встречается тезис о том, что предприниматели приняли единственно верное решение – стали на путь самопомощи и стремятся соединенными силами улучшить свое положение [16, с. 1]. Это говорит о том, что преемники Витте, прежде всего В. Н. Коковцов, продолжили его политику относительно монополий.

С нашей точки зрения нет оснований считать, что в первые годы XX в. правительство полностью стало на позицию поддержки монополий, поскольку власть не спешила легализовать их путем введения соответствующего законодательства. Синдикаты и картели в Российской империи подпадали под ст. 913 и 1180 Уложения о наказаниях 1845 г., согласно которым законом преследовались «стачка, сделка или другое соглашение торгующих к возвышению цен на предметы продовольствия» [8, с. 310]. Виновные подлежали наказанию в виде тюремного заключения, ареста или денежного взыскания [1, с. 51–52]. Кроме того, к монополистическим соглашениям можно было применить ст. 1528 и 1529 Законов гражданских, где говорилось, что цель сделок не должна противоречить действующим законам и общественному порядку [2, с. 244].

Основную причину нежелания правительства легализовать монополии назвал Витте, заявляя, что таким образом оно «хочет иметь в своих руках орудие, которое можно бы-

ло бы обратить против особенно сильных нарушений» [17, с. 76]. Использование архаичного антимонопольного законодательства позволяло ему давить на промышленников, поскольку для последних опасность состояла не столько в наличии запретительных законов, сколько в возможности в любое время трактовать их не в свою пользу.

Вместе с тем выход империи из экономического кризиса и депрессии, сопровождающийся усилением монополистических объединений, вел к все более частому проявлению в обществе антисиндикатских настроений. Кроме того, окрепшие монополии стали угрожать государственному капиталистическому хозяйству. Это поставило правительство перед необходимостью пересмотра политики относительно синдикатов.

Поводом к такому пересмотру стала попытка создания в 1908 г. металлургического треста на Юге. К председателю Совета министров П. А. Столыпину поступил ряд запросов, в том числе от Государственной думы, с требованием помешать образованию треста и ограничить деятельность синдикатов. По результатам развернувшейся антитрестовой кампании министр торговли и промышленности И. П. Шипов констатировал, что российская общественность выступила резко против треста, с чем правительство должно считаться [18, с. 141]. К концу 1908 г. идея трестирования потерпела крах. Я. Лившин определяющим в этом вопросе назвал именно сопротивление общества и органов власти Российской империи [4, с. 269]. Негативное общественное мнение считал причиной неудачи и один из непосредственных организаторов треста И. Ясюкович [19, с. 5].

Л. Е. Шепелев именно попытку создания треста называл переломным моментом в отношении к синдикатам со стороны государства [20, с. 230]. Сдвиги в политике правительства в течение 1908–1909 гг. отмечали также В. Дякин [6, с. 47] и В. Поликарпов [7, с. 59], что было связано с общим наступлением политической реакции и тем, что деятельность монополий противоречила хозяйственным интересам казны.

Четко выраженная антисиндикатская линия в правительстве до 1914 г. была локализована в Министерстве путей сообщения, где последовательным противником монополий выступал глава этого ведомства С. В. Рухлов. Он считал синдикаты в условиях сельскохозяйственной России искусственным и чужеродным явлением, деятельности которого необходимо противопоставить всю силу государственно-капиталистического хозяйства [5, с. 107]. Рухлов провозгласил в министерстве курс на борьбу с синдикатами, а в особенности с «Продуглем». В результате его политики в 1912 г. уже около 50% поставок угля государственным железным дорогам осуществлялось несиндицированными предприятиями, а в 1913 г. договор с «Продуглем» был заключен по более низким по сравнению с внесиндикатскими фирмами ценам [5, с. 112].

В целом же политика правительства периода предвоенного подъема имела противоречивый характер. Как и раньше беспрекословно поддерживалось существование сахарной нормировки и объединения рафинеров. С другой стороны против некоторых синдикатов велось уголовное производство по архаичным статьям Уложения о наказаниях. Так, в январе 1908 г. и в начале 1910 г. в Одессе расследовались дела спичечного и соляного синдикатов, однако в суд ни одно из них не дошло. Это позволяет предположить, что данные процессы имели целью скорее демонстрацию силы, нежели желание предотвратить монополизацию названных отраслей.

Кроме того, в годы подъема проявилась тенденция к учреждению казенных предприятий с целью создания конкуренции частным заводам. Они выполняли антимонопольную функцию и выступали регуляторами цен и как крупнейшие покупатели промышленной продукции (железные дороги), и как производители. Эти тенденции вызывали острые конфликты между государственным и частным предпринимательством [8, с. 32–33]. Особый накал эти отношения приобрели накануне Первой мировой войны с началом распределения военных заказов, которые часто становились поводом для синдицирования и повышения цен, что вело к удорожанию программ снабжения армии и флота. Это стало одной из причин того, что к активным противникам синдикатов присоединились руководители государственной военной промышленности, которые стремились большую часть заказов передать за границу [21, с. 227]. Военные ведомства поддерживала и Государственная дума, которая выступила против передачи судостроительных заказов отечественным заводам, поскольку «интересы стратегии не должны приноситься в жертву соображениям о поддержке и развитии отечественного судостроения» [22, с. 125–127]. Было выдвинуто требование ограничения синдицирования отраслей, работающих на оборону, а также требование его законодательного регулирования.

Вопрос о необходимости законодательного регулирования деятельности монополий впервые на страницах периодических изданий был поставлен в апреле 1908 г. в контексте дискуссии о металлургическом тресте и не сходил с них до начала войны. Впрочем, правительство не спешило с регламентацией деятельности синдикатов. Первая попытка хотя бы установить их количество была осуществлена только в начале января 1910 г. Созванное тогда же Особое совещание о трестах и синдикатах заметных результатов не добилося. Газета «Русские ведомости» делала вывод, что «совещание лишь повторяет старую песню о престиже отечественной промышленности, которая обычно звучит похоронным маршем для интересов российского потребителя» [23, с. 3].

Законопроект о предпринимательских объединениях был обнародован лишь в марте 1913 г. Под действие предложенных правил подпадали соглашения предприятий, кото-

рые производили или продавали одинаковые или однородные предметы с целью регулирования производства и сбыта указанных предметов и цен на них. Объединения должны были регистрироваться в Министерстве торговли и промышленности и представлять ему ежегодный отчет. В случае если их деятельность приносила ущерб государственным интересам, к ним могло применяться повышение или снижение железнодорожных тарифов и пошлин, в том числе вывозных [24, с. 59–61]. Окончательный проект закона был представлен на рассмотрение Совета министров в мае 1914 г., но так и остался на бумаге, поскольку его дальнейшее обсуждение «было приостановлено с точки зрения условия военного времени» [3, с. 74].

Победу антисиндикатской линии в правительстве ознаменовала ликвидация в октябре 1914 г. «Комитета по распределению заказов на рельсы, подвижной состав и другие железнодорожные принадлежности», который рассматривался современниками как «организованное казной бюро треста определенной группы привилегированных заводчиков» [25, с. 2]. Против такого решения в Совете министров выступил только бывший министр торговли и промышленности С. И. Тимашев, который справедливо отмечал, что ломка во время только начавшейся войны системы заказов, существовавшей в течение 12 лет, была бы очень неосторожным шагом. Большинство же ликвидацию Комитета поддержало.

Новый курс привел к стремлению правительства обходиться без прямого участия синдикатов в решении военно-экономических задач. Однако поражения на фронте, вызванные во многом сложностями с производством и транспортировкой промышленной продукции, побудили его к проведению в 1915 г. мобилизации промышленности.

Мобилизация промышленности происходила в сложных условиях. Война выявила ее организационную слабость, которая, по мнению украинских историков А. Реента и А. Сердюка, стала серьезным фактором низкой производительности промышленности. Военное ведомство требовало структур, имеющих непосредственные связи с производством. Такими объединениями были синдикаты, которые еще задолго до войны создали систему деловых связей с контрагентами через собственные торговые организации. Они были знакомы с ассортиментом, способны оперативно влиять на предприятия для обеспечения выполнения заказов, контроля сроков их выполнения, качества продукции, обеспечения сырьем. Словом, именно синдикаты с их сложившимся производственным и коммерческим аппаратом, могли стать основой государственной обороны [9, с. 93–94].

Однако, как уже указывалось, в правительстве Российской империи с начала войны сохранялось негативное отношение к деятельности монополий. Некоторые сдвиги в вопросе использования синдикатов для обеспечения армии состоялись лишь в 1916 г. и касались они преимущественно наиболее сильных объединений. Так, представители военно-

промышленных комитетов высказались в пользу синдиката как формы организации металлургической промышленности и внесли предложение о преобразовании «Продамета» в статистический и исполнительный орган Металлургического комитета [9, с. 95].

Следует отметить, что долгое время в историографии господствовало мнение о чрезвычайном усилении «Продамета» в течение Первой мировой войны вплоть до подчинения ним органов государственной власти. Это утверждение не вполне соответствует действительности. На самом деле рост спроса на металл способствовал увеличению доходов контрагентов синдиката, что, однако, не означало усиления его влияния. Напротив, правительство активно вмешивалось в коммерческую и производственную деятельность «Продамета». Так, с 1916 г. заводы были лишены права выполнять заказы, которые не соответствовали интересам обороны государства [26, л. 42 об.]. Запрещалось отпускать металл без распоряжения Металлургического комитета, поскольку отправление каждого вагона металла требовало визы чиновников Министерства путей сообщения. Назначение твердых цен на металл, контроль выпуска заводов и частного рынка лишали «Продамет» влияния на цены, что является одним из главных определителей синдиката [7, с. 58].

Таким образом, единая линия поведения правительства относительно промышленных монополий в Российской империи так и не сложилась. Политика властей в этом вопросе менялась в соответствии с теми конкретными экономическими задачами, которые перед ними стояли. Нами выделены следующие этапы в отношении власти к синдикатам:

1. 1880-е гг. – 1892 г. – поддержка и содействие созданию и деятельности первых синдикатов в промышленности в связи с необходимостью поддержки крупных предприятий во время неблагоприятной конъюнктуры.

2. 1892–1900 гг. – антисиндикатская политика в отношении отраслей, выполнявших государственные заказы (металлургия и транспортное машиностроение) с целью удешевления их продукции и устранения препятствий для их дальнейшего развития. Вместе с тем предоставлялась поддержка монополиям, деятельность которых была выгодной или не затрагивала интересов правительства (например, сахарная промышленность).

3. 1900–1908 гг. – агитация за создание синдикатов для преодоления экономического кризиса и депрессии при сохранении архаического антимонопольного законодательства как средства контроля объединений.

4. 1908–1915 гг. – период лавирования правительства, выделение антисиндикатской линии и ее победа накануне войны.

5. 1915–1917 гг. – вынужденное сближение с синдикатами в рамках выполнения военных заказов. Постепенный переход производства под полный контроль государства.

Итак, правительство проводило противоречивую и непоследовательную политику в отношении монополистических объединений, где часто побеждала антисиндикатская линия. В тех же случаях, когда синдикаты получали поддержку власти, речь шла только лишь о совпадении интересов государства и капитала.

Представленная проблема требует дальнейшего изучения, в частности, интересным представляется выявление личных связей предпринимателей в правительстве, влияние политики власти на положение российских синдикатов на международном рынке. Дальнейшее изучение позволит составить более полное представление о взаимовлиянии государства и монополий и его значении для экономики страны.

Литература:

1. Гольдштейн И. М. Благоприятна ли русская действительность для образования синдикатов и трестов? / И.М. Гольдштейн. – Москва : тип. О.Л. Сомовой. – 66 с.
2. Загорский С. О. Синдикаты и тресты (Учение о капиталистических монополиях) / С. О. Загорский. – СПб. : Братья Ревины, 1914. – 280 с.
3. Лаверычев В. Я. Государство и монополии в дореволюционной России / В. Я. Лаверычев. – М. : Мысль, 1982. – 200 с.
4. Лившин Я. И. Монополии в экономике России / Я. И. Лившин. – М. : Наука, 1961. – 448 с.
5. Гиндин И. Ф. Политика царского правительства в отношении промышленных монополий / И. Ф. Гиндин // Об особенностях империализма в России: сб. науч. ст. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 86–123.
6. Дякин В. С. Из истории экономической политики царизма 1907–1914 гг. / В. С. Дякин // Исторические записки. – 1983. – Т. 109. – С. 25–63.
7. Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность к началу XX века / В. В. Поликарпов. – М. : Индрик, 2008. – 552 с.
8. Поткина И. В. Торгово-промышленное законодательство Российской империи / И. В. Поткина // Экономическая история России XIX–XX вв. : Современный взгляд. – М. : РОССПЭН, 2001. – С. 303–322.
9. Реєнт О. П. Перша світова війна і Україна / О. Реєнт, О. Сердюк. – К. : Генеза, 2004. – 480 с.
10. Гиндин И. Государство и экономика в годы управления С. Ю. Витте / И. Гиндин // Вопросы истории. – 2007. – № 7. – С. 64–93.

11. Морозов О. В. Вплив нової митної політики на соціально-економічний розвиток українських губерній у складі Російської імперії наприкінці XIX – на початку XX ст. : дис. ... канд. іст. наук. : 07.00.01 / О. В. Морозов. – Д., 2002. – 207 с.
12. Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. / Л. Е. Шепелев. – Л. : Наука, 1981. – 275 с.
13. Гиндин И. Государство и экономика в годы управления С. Ю. Витте / И. Гиндин // Вопросы истории. – 2007. – № 8. – С. 65–91.
14. Горнозаводская производительность в 1896 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1898. – № 4. – С. 151–157.
15. Н. М. Оздоровление промышленности / Н. М. // Торгово-промышленная газета. – 1903. – № 155. – С. 3.
16. Касперович Г. Объединение промышленности / Г. Касперович // Торгово-промышленная газета. – 1907. – № 283. – С. 1.
17. Гиндин И. Государство и экономика в годы управления С. Ю. Витте / И. Гиндин // Вопросы истории. – 2007. – № 9. – С. 62–96.
18. Гефтер М. Я. Борьба вокруг создания металлургического треста в России в начале XX в. / М. Я. Гефтер // Исторические записки. – Т. 47. – 1954. – С. 124–148.
19. И.И. Ясюкович и трест /// Южный край. – 1908. – № 9505. – С. 3.
20. Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики / Л. Е. Шепелев. – Л. : Наука, 1987. – 272 с.
21. Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели : работа на фронт и на революцию (1907–1917) / О. Р. Айрапетов. – М. : Модест Колеров, 2003. – 256 с.
22. Чернышов В. П. Вопросы отечественного судостроения и отчет Государственного Контроля / В. П. Чернышов // Промышленность и торговля. – 1915. – № 3. – С. 125–129.
23. Трайнин А. Министерство и тресты / А. Трайнин // Русские ведомости. – 1910. – № 137. – С. 3.
24. Законопроект о синдикатах // Торгово-промышленный Юг. – 1913. – № 10. – С. 57–62.
25. Фон-Футцен А. Как распределяются казенные заказы? / А. Фон-Футцен // Русские ведомости. – 1910. – № 150. – С. 2
26. Государственный архив Донецкой области. Ф. 27. Оп. 1. Д. 19. Л. 42.